

The book cover features a dark red background. A large, white, stylized script word 'Body' is the central focus. To the right, there is a black silhouette of a person in a dynamic, possibly dancing or athletic pose. A yellow circular badge is positioned near the top center, containing the text 'БЕСТСЕЛЛЕР Amazon'. At the bottom left, the author's name 'ЭМИЛИ РАТАКОВСКИ' is written in large, white, bold, sans-serif capital letters. At the bottom right, the text '18+' is displayed in large white font, with 'More than' written vertically in a smaller white font below it.

БЕСТСЕЛЛЕР
Amazon

ЭМИЛИ
РАТАКОВСКИ

18+

More than

Trend. Psychology

Эмили Ратаковски

Мое тело

«Издательство АСТ»

2021

УДК 929(73)
ББК 63.3(7Coe)-8

Ратаковски Э.

Мое тело / Э. Ратаковски — «Издательство АСТ»,
2021 — (Trend. Psychology)

ISBN 978-5-17-139452-3

Эмили Ратаковски – американская модель, актриса, активистка, предприниматель и писатель. Она снялась в фильме Дэвида Финчера «Исчезнувшая», также появилась на обложках нескольких журналов и прошла по подиуму для многих брендов высокой моды. Ее эссе 2020 года для нью-йоркского журнала «Buying Myself Back» было объявлено эпохальным событием и стало самой читаемой статьей года в журнале. «Мое тело» – ее первая книга. Глубоко честное исследование того, что значит быть женщиной и товаром, от Эмили Ратаковски. Достигнув мировой известности в двадцать один год, она вызвала как восхищение, так и ярость провокационной демонстрацией тела как бескомпромиссного заявления о возможностях феминисток. В центре книги эволюция ее взглядов на коммодификацию женщин, изучающую создание товарных качеств продуктов. Эссе затрагивают моменты из жизни Ратаковски, на основе ее опыта изучая культурную фетишизацию девушек и женской красоты, одержимость женской сексуальностью и ее презрение, извращенную динамику индустрии моды и кино, а также тонкую грань между согласием и насилием. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 929(73)
ББК 63.3(7Coe)-8

ISBN 978-5-17-139452-3

© Ратаковски Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	7
Уроки красоты	10
Blurred Lines	19
Мой сын, солнце	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эмили Ратаковски

Мое тело

Emily Ratajkowski
My Body

© 2021 by Emily Ratajkowski

© К. Григорьева, перевод на русский язык

В оформлении издания использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Слаю

Вы изображаете обнаженную женщину, потому что вам нравится смотреть на нее, вы даете ей в руку зеркало и называете картину «Земное тщеславие», таким образом порицая женщину, наготу которой вы изобразили ради собственного удовольствия.

Реальная функция зеркала была иной. Оно было нужно для того, чтобы женщина сама санкционировала отношение к себе как – главным образом и в первую очередь – к зрелищу.

Джон Бергер. «Искусство видеть»¹

¹ Перевод с английского Евгении Шраги. СПб.: Клаудберри, 2012. С. 60.

Предисловие

Когда летом 2020 года Меган Ти Сталлион и Карди Би выпустили клип на сингл WAP (сокращение от Wet-Ass Pussy), он буквально взорвал интернет, набрав 25,5 миллиона просмотров за 24 часа, оказавшись в итоге на первом месте в американских и мировых чартах, и стал первой женской коллаборацией, которой когда-либо удавалось сделать нечто подобное. Интернет моментально заполнился спорами о гиперсексуальных аспектах клипа и текста песни. Многие специалисты в области культуры называли сингл сексуально-позитивным гимном и утверждали, что, читая рэп о явных сексуальных деталях и своих желаниях, Карди и Меган заявили о собственной свободе выбора и осуществили запоздалую смену ролей. Однако некоторые считали, что песня и клип отбросили феминизм на сто лет назад.

Предыдущий клип, который вызвал подобные жаркие дебаты о расширении прав и возможностей женщин и сексуальности, вышел в 2013 году, к композиции Blurred Lines, написанной и исполненной Робином Тиком, Фарреллом и Т.И. В клипе три девушки танцуют практически обнаженными. Я была одной из этих девушек.

Сингл Blurred Lines в одночасье привел двадцатидвухлетнюю меня к славе. На сегодняшний день цензурированная версия клипа, в которой наша нагота частично скрыта, набрала примерно 721 миллион просмотров на YouTube, а сама песня стала одним из самых продаваемых синглов всех времен. Оригинальную версию удалили с YouTube вскоре после выхода. Видеохостинг сослался на нарушение использования услуг сайта. Потом она все же была восстановлена и снова удалена, что только усилило ее противоречивую привлекательность. Критики осудили видео, назвав его «восхитительно женоненавистническим» из-за того, что я и остальные модели привлекли столько внимания.

Меня, а точнее установки насчет моего тела, внезапно начали обсуждать и анализировать буквально все, от теоретиков феминизма до мальчиков-подростков. Критики признали видео «невероятно мизогинным²» из-за того, что я и мои коллеги-модели были объективированы³.

Когда журналисты решили выяснить мое мнение об этом видео, я удивила всех, ответив, что вовсе не считаю его антифеминистским. Я сказала репортерам, что, по-моему, женщины должны расценивать мое выступление как вдохновляющее. Это мое заявление насчет Blurred Lines появилось в эпоху феминистской блогосферы, книги *«Не бойся действовать: Женщина, работа и воля к лидерству»* и заголовков вроде «Почему женщины до сих пор не могут иметь всего?» на обложках крупных журналов, но до популяризации термина «*феминистка*», до танца Бейонсе перед гигантской неоновой вывеской «ФЕМИНИСТКА» и до продаж модных футболок с надписью «ФЕМИНИЗМ». Многих возмутило то, что девушка, снявшаяся обнаженной в популярном клипе, осмелилась назвать себя феминисткой, в то время как другие, в основном молодые женщины, сочли мою точку зрения новаторской. Я утверждала, что чувствую уверенность в своем теле и в своей наготе, и кто мог сказать мне, что я не обладаю силой, танцуя обнаженной? Более того, разве попытки указать мне, что делать с собственным телом, не направлены против женщин? Я напомнила миру, что феминизм – это личный выбор и никто не смеет контролировать меня.

² Женоненавистническим. Мизогиния – ненависть, неприязнь либо укоренившееся предубеждение по отношению к женщинам (девушкам, девочкам).

³ Объективация (от лат. *objectivus* – «предметный») – опредмечивание, превращение в объект, мыслительный процесс, благодаря которому ощущение, возникшее как субъективное состояние, преобразуется в восприятие объекта. Объективация – акт проектирования наружу некоторых наших внутренних ощущений, обретения внешней, объективной формы существования. Термин используется применительно к чему-то субъективному, психическому или в отношении к какой-то внутренней, имплицитной, скрытой сущности. В психологии – процесс и результат локализации образов восприятия во внешнем мире – там, где расположены воспринимаемые источники информации. (Википедия)

Спустя пару лет после выхода *Blurred Lines* я написала эссе «Женщина-ребенок» о взрослении и стыде, которые испытывала из-за своей сексуальности и формирующейся фигуры.

Самое унижительное чувство я испытала даже не во время работы моделью и актрисой, а раньше – в средней школе, когда один из учителей щелкнул бретелькой моего бюстгалтера, чтобы отругать за то, что она выскользнула из-под майки. Для меня проблема заключается не в том, что девушки сексуализируют себя сами, как хотели бы убедить нас в этом феминистки и антифеминистки, а в том, что их стыдят за это. Почему именно мы должны приспосабливаться? Прикрываться и извиняться за свои тела? Я устала от чувства вины из-за того, что демонстрирую собственное тело.

Мои взгляды сложились в подростковом возрасте, наполненном всевозможными сигналами, которые были связаны с формированием фигуры и сексуальностью. В тринадцать лет я совершенно растерялась, когда папа тихо предложил «не одеваться так только на сегодняшний вечер», когда мы с родителями собирались пойти в дорогой ресторан. На мне были розовый кружевной топ и бюстгалтер пуш-ап. Мама всегда убеждала меня, что я могу получать удовольствие от того, как выгляжу, и именно этот комплект привлекал ко мне пристальное внимание и взрослых мужчин на улице, и моих сверстников в школе. Внезапно я почувствовала себя неловко из-за того, что являлось источником моей гордости.

Я не понимала, почему моя двоюродная сестра, почти на двадцать лет старше меня, ворвалась в гостиную, запыхавшись, после того как оставила меня на несколько минут наедине со своим приятелем. Я не знала, чего она испугалась, хотя инстинктивно понимала, что значил язык тела ее друга: то, как он откинулся на диван, подался бедрами вперед, а его губы растянулись в извращенную приглашающую улыбку. Я была ребенком, но могла различить мужское желание, даже если не до конца понимала, что с этим делать. Считалось ли это чем-то хорошим? Или тем, чего следует бояться? А может быть, стыдиться? Казалось, это было всем сразу.

Я закончила эссе «Женщина-ребенок» разговором с учителем рисования, который произошел в первый год моего обучения в художественной школе. Когда я показала ему нарисованную углем обнаженную женщину, он предложил: «Почему бы не нарисовать женщину с такой узкой талией, что она упадет и не сможет встать?» Учитель посоветовал мне или «сыграть на стереотипах стандартов красоты, или показать угнетение». Не верилось, что существуют всего лишь эти два варианта.

Большую часть своей жизни я думала о себе как о сообразительной мошеннице. Понимая, что у меня есть товар, который ценит мир, я гордилась тем, что построила жизнь и карьеру на своем теле. Я осознала, что в той или иной степени всех женщин объективируют и сексуализируют, так что я могла бы сделать это на собственных условиях. Я подумала, что сила именно в моей способности сделать выбор.

Сегодня я читаю это эссе, смотрю интервью того периода моей жизни и чувствую нежность к юной себе. Моя защитная реакция и демонстративное неповиновение теперь хорошо мне видны. То, что я писала и проповедовала тогда, отражало мои идеалы, но в этом отсутствовала гораздо более сложная картина.

Во многих отношениях я, несомненно, была вознаграждена за то, что извлекла выгоду из своей сексуальности. Я стала узнаваема во всем мире, собрала многомиллионную аудиторию и получила за рекламные и модные кампании больше денег, чем мои родители (профессор английского языка и учитель рисования) когда-либо мечтали заработать за всю свою жизнь. Я создала платформу, выкладывая свои фотографии в интернет, делая мое тело и имя узнаваемыми, что, по крайней мере частично, дало мне возможность опубликовать эту книгу.

Но в других, менее видимых обществу отношениях я чувствовала себя объективированной и ограниченной своим положением в мире в качестве так называемого секс-символа. Я извлекла выгоду из своего тела в рамках цис-гетеро-капиталистического патриархального мира, в котором красота и сексуальная привлекательность ценятся исключительно через удо-

влетворение мужского взгляда. Какое бы влияние и статус я ни приобрела, они были предоставлены мне только потому, что я привлекаю внимание мужчин. Моя позиция приблизила меня к богатству и влиянию и даровала мне некоторую независимость, но это не привело к истинному расширению прав и возможностей – это я получила только сейчас, написав эссе и озвучив собственные мысли и чувства.

Эта книга наполнена идеями и событиями, с которыми я не хотела сталкиваться или, возможно, не могла столкнуться ранее в жизни. Я отмахивалась от болезненных переживаний или от тех, которые не соответствовали тому, во что я хотела верить: я была женщиной, наделенной возможностями благодаря превращению ее образа и тела в товар.

Столкновение с более сложной реальностью оказалось тяжелым – жестоким и разрушительным для личности и картины мира, за которые я отчаянно цеплялась. Я была вынуждена узнать неприглядную правду о том, что считала важным, что называла любовью, что, по моему мнению, делало меня особенной, и обнаружить реальность моих отношений со своим телом.

Я все еще пытаюсь понять, как отношусь к сексуальности и расширению прав и возможностей. Цель этой книги не в том, чтобы найти ответы, а в том, чтобы честно разобраться в важных для меня идеях. Я стремлюсь изучить различные зеркала, где видела себя: в глазах мужчин и других женщин, с кем я себя сравнивала, и на бесчисленных фотографиях, на которых я запечатлена. Эти эссе повествуют о глубоком личном опыте и последующем пробуждении, что определило мою молодость и изменило мои убеждения и установки.

Уроки красоты

1

– Когда ты родилась, – начала моя мама, – врач поднял тебя и сказал: «Посмотрите на нее! Она красивая!» И это правда. – Она улыбнулась. Я слышала эту историю много раз. – На следующий день он привез своих детей в больницу, просто чтобы показать тебя. Ты была таким красивым ребенком.

На этом обычно рассказ завершался, но сейчас мама продолжила. Только прежде на ее лице появилось знакомое невинное выражение, которое я привыкла видеть перед тем, как она скажет мне или моему отцу то, чего, по ее мнению, говорить не следует. Я собралась с духом.

– Забавно – произнесла она с легкой улыбкой на губах. – Я недавно разговаривала с братом... – Она начала имитировать его акцент Восточного побережья: – «Кэти, Эмили была красивым ребенком. Но не таким красивым, как ты. Ты была самым красивым ребенком, которого я когда-либо видел». – Она пожала плечами, а затем покачала головой, словно говоря: «*Разве это не бред?*»

Я на мгновение задумалась, чтобы решить, какого ответа мама ждет от меня, пока не поняла, что она смотрит в окно, больше не обращая на меня внимания.

2

Разговариваю с помощником парикмахера, пока мне делают прическу и макияж для фотосессии.

– Твоя мама красивая? Ты похожа на нее? – спрашивает он, пропуская пальцы сквозь мои волосы.

Он наносит средство на их кончики и изучает мое отражение в зеркале перед нами. Затем делает комплимент моим бровям.

– Они хороши, – заявляет он, хватая расческу. – Кто ты по национальности?

Я привыкла к подобным разговорам на съемочной площадке; они почти всегда однотипные, и я хочу закончить его как можно быстрее. Мне не нравится, что белые женщины используют этот вопрос как возможность указать свою национальность в попытке звучать «экзотично»: *я на тринадцать процентов это и на семь процентов то*. Вместо этого я просто говорю:

– Я белая девушка.

Мой парикмахер смеется.

– Ладно, белая девушка. – Он широко ухмыляется. – Однако я могу сказать, что в тебе есть что-то еще. – Он поджимает губы и переносит свой вес на одну ногу, выставляя бедро. Говорит, что он по большей части мексиканец.

– Так что насчет твоей мамы? – искренне интересуется он. – Такая же красивая, как и ты?

– Да, – отвечаю я. – Она красивее меня.

Брови парикмахера взлетают вверх. Он возвращается к расчесыванию наращенных волос, которые держит в руке.

– Что ж, я уверен, *это* неправда, – произносит он. Я привыкла к тому, что людям иногда становится неловко, когда я это говорю.

– Это правда, – ровным голосом отвечаю я. Полностью уверена в этом.

3

Красота моей мамы классическая: широко посаженные зеленые глаза, крошечный изящный носик, миниатюрное тело и, как она бы сказала, фигура «песочные часы». На протяжении всей жизни ее сравнивали с Элизабет Тейлор, и я согласна с этим. Люди старшего поколения говорили ей, что она похожа и на молодую Вивьен Ли. И «*Национальный бархат*»⁴, и «*Унесенные ветром*»⁵ – фильмы, которые мои родители хранили в небольшой коллекции видеокассет рядом со своей кроватью. В детстве, когда я пересматривала эти фильмы бесчисленное количество раз, мне представлялось, будто я вижу более молодую версию своей матери, оказавшуюся в мире южных красавиц. Вивьен Ли опускала глаза под взглядом Кларка Гейбла, и я вспоминала рассказы мамы о том, как мальчишки-поклонники стояли на лужайке под окном ее спальни в старшей школе. Я воображала себе шелковистую текстуру ее ленты королевы выпускного вечера и вес сверкающей короны на голове – все это можно увидеть на фотографиях из выпускного альбома.

4

В гостиной моих родителей стоит деревянный комод со столовым серебром и фарфоровым сервизом внутри. На нем – фотографии в рамках, сувениры из путешествий и несколько небольших скульптурных работ моего отца. Гостей всегда привлекает одна из фоторамок с двумя круглыми изображениями, игриво наклоненными друг к другу. Справа – черно-белая фотография моей мамы из начальной школы, ее волосы заплетены в короткие косички. Слева – моя фотография, сделанная примерно в том же возрасте, волосы с лица убраны черной повязкой. Две девочки широко улыбаются. Если бы не качество старой фотографии и год, напечатанный в правом углу, можно было бы подумать, что на этих изображениях один и тот же ребенок. «Кто есть кто?» – спрашивают гости.

5

В детстве мои волосы постоянно путались. После ванны мама использовала спрей для облегчения расчесывания и щетку, чтобы распутать колтуны. Головы болела от бесконечных рывков, а шея ныла от необходимости держать голову ровно. Я ненавидела этот процесс. Пока слезы текли по моему лицу, я пыталась сосредоточиться на спрее для волос, потому что на его этикетке были нарисованы морские животные, и разглядывала улыбающегося оранжевого морского конька и пухлого синего кита. От сладкого запаха спрея у меня текли слюнки. Чувствуя, как расческа впицается в кожу головы, я в отчаянии кричала: «Не надо!»

В доме, где я выросла, не было потолков, а стены не доходили до крыши, так что эти крики заполняли все пространство. Услышав мой вой, отец начинал петь из другой комнаты: «Волосыные войны, ничего, кроме волосыных войн» – на мотив темы из «*Звездных войн*»⁶.

⁴ National Velvet – фильм Кларенса Брауна 1944 года с Микки Руни и Элизабет Тейлор.

⁵ Gone with the Wind – фильм Виктора Флеминга, Джорджа Кьюкора и Сэма Вуда 1939 года с Вивьен Ли и Кларком Гейблом.

⁶ Медиафраншиза в жанре космической оперы, включающая в себя 11 художественных фильмов, а также анимационные сериалы, мультфильмы, телефильмы, книги, комиксы, видеоигры, игрушки и прочие произведения, созданные в рамках единой фантастической вселенной.

6

Меня не воспитывали религиозной, и разговоры о Боге отнюдь не являлись частью моей жизни. Я никогда не молилась в традиционном смысле этого слова, но помню, как в детстве молилась о красоте. Лежа в кровати с зажмуренными глазами, я концентрировалась так сильно, что меня прошибал пот под одеялом. Я верила, что для того, чтобы Бог воспринял тебя всерьез, ты должен очистить свой разум, насколько это возможно, а затем сосредоточиться на расширяющихся пятнах света под веками и думать только об одной вещи, о которой мечтаешь больше всего.

«Я хочу быть самой красивой», – мысленно повторяла я снова и снова, мое сердце поднималось куда-то к горлу.

В конце концов, уже не в силах сопротивляться другим мыслям, приходящим в голову, я засыпала с надеждой, что Бог будет достаточно впечатлен сей медитацией, чтобы ответить мне.

7

Отец моей мамы, Эли, был строгим и серьезным. Он родился в 1912 году и приехал на остров Эллис из небольшого местечка на территории тогдашней Польши, а ныне Беларуси. Талантливый пианист, дедушка окончил Джульярдскую школу в пятнадцать лет, стал химиком, а кроме того, отцом трех дочерей и сына. Он говорил моей маме, что с ее стороны неуместно благодарить людей, которые делают комплименты ее красоте. Он не чувствовал, что она чего-то достигла.

«Что ты сделала? – спрашивал он. – Ничего. Ты ничего не сделала».

8

С раннего возраста я знала, что ничего не сделала, чтобы заслужить собственную красоту, как указывал маме дедушка. Значит, моя красота была подарком от матери? Временами я ощущала, что она каким-то образом чувствует свое право на нее, как на завещанное украшение, которое когда-то принадлежало ей и с которым она прожила всю жизнь. Эта красота досталась мне с грузом всех трагедий и побед, какие мама пережила вместе с ней.

9

«Носи все что хочешь, Эмс, – постоянно говорила мне мама. – Не переживай о мнении других людей». Она хотела, чтобы я не чувствовала стыда и могла принять свою внешность и возможности, которые она мне дарила.

В тринадцать лет меня выгнали домой с танцев, потому что сопровождающий счел мое платье слишком сексуальным.

Я купила его вместе с мамой. Светло-голубого цвета, сшитое из эластичного кружевного материала, облегающего мои начавшие оформляться груди и бедра. Когда я вышла из примерочной, неуверенная в себе, мама встала и обняла меня.

– Ты выглядишь восхитительно, – произнесла она с теплой улыбкой.

– Не слишком сексуально? – спросила я.

– Совершенно нет. У тебя прекрасная фигура. – Мама никогда не хотела, чтобы я думала, что мое тело или моя красота были слишком. – Если людям что-то не нравится, это их проблемы, – сказала она.

Когда она забрала меня с танцев, я рыдала от унижения и растерянности. Заправив мои волосы за ухо, мама обняла меня и сказала: «Пусть эти люди идут в задницу». Она приготовила особенный ужин и позволила мне посмотреть немой фильм, пока я ела. После, с моего разрешения, она написала гневное письмо с жалобой.

«Я все им выскажу», – заявила мама.

10

Я пыталась понять, какое место в мире моделинга отводили мне мои родители. Казалось, им обоим, особенно маме, важно, чтобы их дочь считали красивой; им нравилось рассказывать друзьям о том, что люди разговаривали со мной как с моделью, а позже, как только я подписала контракт с агентством, учась в средней школе, о моих успехах в модельном бизнесе. Они думали о моделинге как о возможности, которой непременно должны воспользоваться как ответственные родители.

– Она может заработать много денег. Вы не «щелкали» ее? – однажды спросила женщина в очереди на кассе местного продуктового магазина. Когда мы вернулись к маминей машине на стоянку торгового центра, я разрыдалась.

– Я не хочу, чтобы меня щелкали, мама! – Мне показалось, что женщина имела в виду щелбаны.

В конце концов, родители нашли мне агента и начали возить меня на фотосессии и кастинги в Лос-Анджелес так же, как родители моих одноклассников возили их на местные футбольные матчи. Отец повесил мою первую визитную карточку для моделинга (карточку размером А5 с моими размерами и примерами фотографий, обычно оставляемую клиентам на кастингах) на стену у своего стола в классе, где он преподавал. Когда я училась в старшей школе, мама поставила на кухонный стол, лицом к входной двери, рамку с черно-белой фотографией с фотосессии размером 9 на 11 дюймов так, что любого входящего немедленно приветствовали мои надутые губы, голые ноги и дразнящие волосы. Меня смущала эта фотография и ее расположение. Съехав из дома, я убедила маму убрать ее. К тому времени фото простояло на этом месте уже несколько лет. «Ты права, – согласилась мама. – Оно больше не отражает тебя. Теперь ты еще красивее».

11

Красота являлась для меня способом быть особенной. Когда я ощущала себя особенной, то больше всего чувствовала родительскую любовь ко мне.

12

Первый кастинг, на который меня привела мама, организовала джинсовая компания, производящая дорогие джинсы, которых у меня никогда не было. Мама вызвала помощника, заменившего ее во время урока, чтобы она смогла отвезти меня в Лос-Анджелес, а я ушла из школы пораньше. Мы запрыгнули в ее «Фольксваген-Жук» на парковке средней школы, чтобы добраться до места.

Она мчалась по автостраде, не снимая солнцезащитных очков. «Я спросила агента насчет твоих шансов на кастинге. Она решила, что я интересуюсь твоими шансами “сделать это”. И ответила: “У нее определенно есть шанс, но всегда трудно сказать наверняка”, – мама посмотрела в зеркало заднего вида, положив обе руки на руль. – Я имела в виду твои шансы на этом

кастинге! Не ради славы, – она покачала головой. – Мне это совсем не понравилось. Они забегают вперед», – объяснила мама.

Офис для кастинга, куда мы вошли через огромные стеклянные двери, встретил нас порывом свежего воздуха. Вдоль стен стояли белые скамейки, а на стенах висели экраны с номерами комнат, отведенных для различных кастингов. Я шла перед мамой, одетая в дешевую эластичную версию классических джинсов и массивные черные ботинки, недавно купленные в Ross Dress 4 Less⁷. На каблуках я была сантиметров на 30 выше нее.

Мы сели на скамейку, и я почувствовала, как молнии новых ботинок врезаются в мою кожу. Веснушчатый мальчик со светлыми взъерошенными выющимися волосами сел в нескольких футах от нас.

– Эмили? – девушка сверилась с информацией в планшете, а затем оглядела скамейки. Я встала.

– Откинь волосы, – прошептала мама. Я помотала головой и ощутила, как кровь подступила к моему лицу, волосы окружили меня. Когда я подняла голову, волосы упали по обе стороны лица. Я чувствовала взгляд матери на себе, когда входила в комнату для кастинга.

По дороге домой я подперла голову рукой и уставилась в окно. Солнце светило мне в щеку, пока мы мчались по автостраде.

«Тот мальчик смотрел на тебя, когда ты встала и откинула волосы, – сказала мама. – Он наблюдал за тобой».

Что он видел? – задавалась я вопросом.

13

Мама любила рассказывать истории о том, как мужчины обращали внимание на меня с тех пор, как мне исполнилось двенадцать («Я никогда не забуду выражение его лица, когда ты прошла мимо него! Он остановился как вкопанный и разинул рот!»). Но она также считала, что мужское понятие красоты отличалось ограниченностью и грубостью.

«Мэрилин Монро никогда не была действительно *красивой*», – говорила она мне, когда при упоминании о ней на лице отца появлялось выражение одобрения.

Мама делила женщин на две категории: те, которых мужчины находили привлекательными, и настоящие красавицы. «Я не *понимаю* Дженнифер Лопес, – рассуждала она, морща нос. – Думаю, она нравится мужчинам». Со временем я поняла, что «она нравится мужчинам» – определение, недотягивающее до «красивая», но определенно более предпочтительное, чем вообще не быть упомянутой. Мама могла быть довольно снисходительной, говоря о таких женщинах: «Она милая», – сладко улыбаясь, с едва уловимой ноткой жалости в голосе, отмечала она. Когда мы смотрели фильм с молодой актрисой, мама практически всегда отмечала ее внешность: «Я имею в виду, она не *красавица*». Она делала это и с моими друзьями, небрежно оценивая их внешний вид, когда мы ходили по магазинам. «Она, конечно, не красивая, но у нее хорошая фигура», – заявляла она, выбирая зрелые калифорнийские авокадо.

14

После того как я уехала из дома, у родителей вошло в привычку размещать мои профессиональные фотографии на своих страницах в «Фейсбуке». Мама отвечала на каждый комментарий своих друзей словами: «Большое спасибо, Сьюзи!» или «Мы так гордимся ею, Карен». Папа тоже отвечал своим друзьям, но вместо того чтобы благодарить их, он предпо-

⁷ Американская сеть дисконтных универмагов.

читал шутить: «У нее лишь мое сердце и душа, Дэн». Я читала эти комментарии и вспоминала папины слова о том, что я унаследовала его нос.

– Он довольно большой, – смеясь, говорил он.

Мама хмурилась.

– Не говорит так, Джон, – шептала она низким и неодобрительным голосом.

15

Кажется, мама считает, что моя красота, подтвержденная миром, – зеркало, отражающее меру ее собственной ценности.

Она рассказывает: «Мой университетский друг написал мне в “Фейсбуке”, что видел твоё фото на обложке журнала. Он говорит: “Неудивительно, что дочь Кэтлин красивая! Но она не такая прекрасная, как ты, Кэти. Никто не сравнится с тобой”».

Мама любит вспоминать о том, как она жаловалась на некоторых женщин из-за их обращения с ней, а трехлетняя я заявляла: «Они просто *завидуют*, мама!»

Она рассказывает эту историю как очаровательное свидетельство моей проницательности в столь юном возрасте. Только когда я стала старше, меня осенило: меня познакомили с концепцией конкуренции между женщинами еще до того, как я научилась читать? Как я так рано поняла, что мое замечание послужит матери некоторым утешением от человеческой недоброжелательности, которую она ощущала?

16

Я нахожу другие способы создания собственных отражений, не таких, как у мамы. Изучаю свои фотографии, сделанные на ковровой дорожке и в обычной жизни, в интернете и в фотоленте на своем телефоне, нажимая на экран, чтобы увеличить лицо, пытаюсь понять, действительно ли я красива. Я просматриваю сайт Reddit⁸, читаю и обдумываю комментарии в своей ветке, задаваясь вопросом, «переоценивают ли меня», как отмечает один пользователь, или я на самом деле «одна из самых красивых женщин в мире», как говорит другой. От одного комментатора, утверждающего, что он работал в съемочной группе моей недавней съемки, я узнаю, что во мне «нет ничего особенного», а другой пользователь, увидев меня с собакой в кафе недалеко от моей квартиры, заявляет, что я «намного красивее в реальной жизни. Лучше, чем на фотографиях».

Я выкладываю в «Инстаграм» те фотографии, которые считаю доказательством своей красоты, и затем с одержимостью проверяю лайки, чтобы узнать, согласны ли со мной подписчики. Мне необходимо это больше, чем я признаю. Таким образом я пытаюсь оценить собственную привлекательность как можно более объективно и безжалостно. Мне хочется рассчитать свою красоту, чтобы защитить себя, чтобы точно понять, как много у меня влияния и привлекательности.

17

Я лежала в постели после секса с парнем, с которым у меня были первые серьезные отношения в старшей школе, когда он начал рассказывать мне о других девочках, с которыми спал. Он описывал их тела, волосы, что ему в них нравилось, я слушала это, внезапно ощутив чув-

⁸ Сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в интернете и обсуждать ее.

ство паники. У меня все внутри перевернулось. Меня пробил пот. Я закидала себя вопросами. *Что со мной не так? Почему мое тело так реагирует на то, что мой парень говорит о других девушках, которых он считает привлекательными?*

Он рассказывал дальше, а мой низ живота и ягодицы сжались, и я поняла, что это вопрос нескольких минут и мне придется бежать в ванную. Парень не останавливался, не догадываясь, что я свернулась калачиком под тонким одеялом. Я дрожала. А он продолжал: «Она... Ее...» Я кивала и задавала вопросы, изображая безразличие, зная, что позже проведу часы, разглядывая этих девочек, наблюдая за ними в школе, анализируя, в чем мы походили друг на друга и чем различались. Наконец я встала и бросилась в ванную, испугавшись, что больше не смогу сдерживаться. Хотя я и знала, что эти девушки из прошлого моего парня или его воспоминания о них не представляли реальной угрозы для меня, мое тело отреагировало на них именно как на угрозу. Я ненавидела то, что он может счесть кого-то более привлекательной, чем я.

18

Некоторые мамины воспоминания настолько сильны в моей памяти, что иногда я не могу понять, случаи ли это из ее жизни или из моей. Например, история, когда она пошла в женский туалет на вечеринке в самом начале ее отношений с отцом (как она бы сказала). Мама вышла из кабинки и увидела бывшую девушку моего отца, стоявшую напротив широкого зеркала у раковины и мывшую руки. Мама встала рядом с ней. «И я подумала, что ж, вот мы здесь. Такие разные. Понимаешь?» Вот они рядом: две женщины, которых выбрал мой отец. Я представляю их совершенно неподвижными, с прижатыми по бокам руками и ничего не выражающими лицами. Возможно, один из кранов все еще включен. Моя мама почти на 30 сантиметров ниже блондинки, с которой когда-то встречался отец. Бледная кожа на ее широких плечах мерцает, а волосы пахнут соленой водой. Темные выющиеся волосы моей матери обрамляют ее лицо в форме сердца, а изгибы бедер отчетливо вырисовываются на фоне белого кафеля. Их лица находятся в тени, когда они оценивают себя и друг друга.

19

Мама любила говорить мне, что всегда хотела такие же волосы, как у меня.

– Как атласная тканьь, – восхищалась она, глядя на них и проводя рукой по моей макушке, а я уворачивалась.

– Не надо, мам! – огрызалась я, ненавидя звук своего голоса, пронзавшего воздух.

– Я знаю, знаю, – нараспев произнесла она, – теперь ты подросток, который не хочет, чтобы его трогали, но ты всегда будешь моей малышкой. Всю жизнь я хотела такие же волосы, как у тебя, – повторяла она, тихо, внезапно более серьезно. – Я бы погладила свои волосы на гладильной доске, чтобы они стали прямыми, как у Джейн Ашер, – она смотрела в пустоту, созерцая альтернативную жизнь, мир, где единственное отличие – это текстура волос на ее голове. *(Но какая была бы разница! Я могла представить ее слова.)*

Теперь я понимаю, дело не в том, что я была подростком. Мне просто не хотелось, чтобы мама смотрела на меня, потому что знала: пока она вглядывается в меня, то часто просчитывает, изучает и сравнивает.

20

Повзрослев, я возненавидела комплименты, и неважно, делали их подруги или мужчины, которые были мне интересны. Одного из моих парней часто смешило это смущение от его слов о моей красоте.

– Боже! Ты не можешь просто это принять, – говорил он мне, наблюдая, как мне становилось неловко.

– Замолчи, – я закатывала глаза, пытаюсь показать, как он неправ.

– Но ты же модель, а значит, все согласны с тем, что ты красива, – растерянно произносил он, ожидая объяснений.

Я не знала, что ответить. Хотелось сказать ему, что мне вообще не нужны парни, мне было приятно это говорить. Мне нравилось слышать такие слова на съемочной площадке, когда я зарабатывала деньги, но в личной жизни я не нуждалась в этом. Какая-то часть меня пыталась сопротивляться моей способности сочетать красоту с уникальностью и любовью. *Нет, спасибо. Я не хочу того, что они пытаются мне предложить. Мне не нужны их зеркала. Мне не нужна любовь со словами: «Ты самая красивая».*

21

Мама перестала красить волосы в возрасте шестидесяти лет, позволив им поседеть, посе-ребриться и, наконец, побелеть.

Она продолжала коротко стричься, ее волосы вились и сохраняли объем. Мама все еще была красивой – слово, которым редко характеризуют женщин старше шестидесяти, но точно отражающее мою мать и ее элегантные черты лица, которые с возрастом стали мягче.

– Стареть странно, – сказала она однажды утром, сидя на голубом диване у окна в моем лофте в Лос-Анджелесе. – На днях я шла по улице и увидела двух привлекательных молодых людей, которые шли мне навстречу. Я не задумываясь немного выпрямила спину, когда проходила мимо них, – мама издала легкий смешок. – Но они даже не взглянули на меня. И тогда я поняла, что теперь невидима для них. Все, что они видят, это женщину с седыми волосами!

Она прекрасно выглядела при естественном освещении, когда говорила это.

– Думаю, так оно и бывает, – мама пожала плечами. В ней было какое-то умиротворение. Я представила, каково это – однажды перестать быть замеченной мужчинами.

– Может быть, это как-то освобождает? – спросила я.

– Возможно, – в конце концов ответила она.

22

Прошло совсем немного времени с момента нашей свадьбы, когда мой муж небрежно заметил:

– В мире так много красивых женщин.

Я замираю при этих словах. Знаю, что это абсолютно верно и правдиво, и все же чувствую знакомый укол в животе.

– Что? – спрашивает он. Он почувствовал изменение, ощутил мгновенное напряжение в моем теле.

– Я не знаю, – отвечаю я, прижимаясь лицом к его груди и стыдясь собственной реакции. – Не понимаю, почему мне больно слышать это от тебя.

Вижу, что он хочет утешить меня, но он растерян. Мне тоже хочется от него утешения, но я не понимаю, почему мне это так необходимо. Почему я внезапно почувствовала, что он недостаточно любит меня?

23

В маленькой комнате без окон, в кабинете моего психотерапевта, я рассказываю о своей реакции на замечание мужа. Я объясняю боль в животе. Оценку. Других женщин.

– Яблоки и апельсины, – говорит мне психотерапевт. – Что, если ты не такая же, как другие женщины? Что, если ты совершенно другой фрукт? – мягко спрашивает она.

Мне не нравится этот разговор: я ужасно смущена. Хочется встать и закричать: *«Конечно, я знаю это! Я ненавижу женщин, которые сравнивают себя с другими женщинами. Я не такая!»*

Но есть разные версии меня: одной нужно услышать, что говорит психотерапевт, а вторая хочет поправить ее.

– Но у каждого свой любимый фрукт, – отвечаю ей. Я чувствую, как по моей щеке скатывается слеза. – Каждый делает собственный выбор. Так устроен мир, все занимает свое место. Одно всегда лучше другого.

Blurred Lines

Когда я бросила университет, чтобы полностью посвятить себя работе моделью, мне нравилось говорить друзьям, что французское слово, обозначающее «модель», — «манекенищица». «Так что, — говорила я, пожимая плечами, — я работаю манекенищей».

Примерно в то же время я подхватила ужасный кишечный грипп и похудела больше чем на четыре килограмма за неделю. После выздоровления я продолжила сбрасывать вес, так как поняла, что чем больше худею, тем чаще меня приглашают работать. Я начала постоянно носить туфли на платформе (даже когда выходила из дома в темноте, чтобы попасть на съемку до восхода солнца), потому что не хотела давать клиентам возможность увидеть, что я ниже, чем большинство моделей. В старших классах и в свой единственный год в университете мне нелегко давалось искусство планирования времени, я вечно входила в кабинет с опозданием на десять минут, но теперь научилась приходить вовремя. Изучила схему движения транспорта в Лос-Анджелесе, заводила будильники, чтобы проснуться с запасом времени, и предупреждала своего агента, если задерживалась хотя бы на несколько минут. Даже если мне совершенно не нравился мой образ на съемках, я позволяла фотографировать и стилизовать себя так, как хотелось клиентам. Я внесла эти коррективы в свое поведение, мироощущение и тело с одной лишь целью — заработать деньги.

Я рассматривала свою жизнь и работу модели как нечто временное, что защитит меня от проблем, постигших большинство моих старших друзей после финансового кризиса 2008 года, когда им, обремененным студенческими долгами, пришлось вернуться в родительские дома и вновь устроиться на работу в сфере услуг, которую они выполняли в подростковом возрасте.

Деньги давали свободу и контроль, и все, что мне нужно было сделать, чтобы обеспечить свою независимость, — это научиться несколько раз в неделю изображать кого-то другого: раздеваться и мазать тело маслом, соблазнительно позируя в красном кружевном белье или бикини с ярким принтом, которые я бы никогда не купила себе сама, и надувая губы по команде какого-нибудь фотографа-мужчины средних лет.

Как только я бросила учебу — и заболела гриппом, — то вышла на новый уровень финансового успеха. За фотосессии в нижнем белье и купальниках платили больше, чем за обычную электронную коммерцию, и у меня было несколько клиентов, регулярно нанимавшие меня за тот эффект, который производило мое тело на покупателей их продуктов.

Я помню, как выходила из раздевалки в комплекте нижнего белья, и одна клиентка заметила, что «трудно найти девушек, которые были бы такими худыми и у них было чем так же заполнить бюстгальтер». Размер чашки бюстгальтера стал моим ценным и редким активом, напрямую приводивший к высокооплачиваемой работе. Но также он и ограничивал тип работы, которую я могла выполнять; меня считали девушкой «коммерческого плавания», это означало, что я могу сниматься для каталогов, но никогда не буду работать в индустрии высокой моды.

Чем больше денег я зарабатывала в моделинге, тем больше мне это нравилось. У меня не было богатых друзей, и по этой причине я держала свои привилегии в секрете, катаясь в одиночку в магазин одежды, где всего около года назад мы с моими школьными подругами не осмелились бы ничего купить, лишь изредка заглядывая, чтобы посмотреть. Обычно мы спешили уйти, как только продавец спрашивал: «Девушки, могу ли я вам чем-нибудь помочь?» Теперь я наслаждалась тем, что заходила в магазин с сумочкой из искусственной кожи и касалась висящих предметов одежды кончиками пальцев, чувствуя, как по спине пробегает дрожь, когда отвечала: «Да, спасибо, хотелось бы примерить это». Иногда я покупала одежду, а иногда уходила с пустыми руками, в любом случае воодушевленная опытом. Однажды вечером, после

подобного похода по магазинам, я надела новенькую темно-синюю куртку, чтобы встретиться с подругой. Она спросила меня, когда я купила ее.

– Сегодня, – ответила я. Она покачала головой.

– Черт, – произнесла подруга. – Так приятно просто иметь возможность зайти в магазин и выбрать что-нибудь, когда тебе захочется, да? – Я всматривалась в ее лицо и с облегчением заметила, что она не обижена. Меня смущали эти новые различия в нашей жизни, но также и радовало то, что она смогла оценить мое удовольствие. Она была права – это *очень* приятно.

Я арендовала дешевый лофт на первом этаже в Даунтауне Лос-Анджелеса и платила 1250 долларов в месяц, отдавая толстый конверт хозяину, который вонял маслом пачули и жил в этом же лофте прямо надо мной. Помещение было полностью бетонным, с одним окном с металлическими решетками, выходившим на парковку. Потолки были такими низкими, что в туфлях на платформе, которые теперь носила постоянно, я могла дотянуться до них и прижать к ним ладони. Однако все это меня не беспокоило; я была в восторге от того, что у меня есть просторный лофт, во много раз больше, чем любое другое место, где я жила раньше. Выкрасив стены и потолок в белый цвет, я прикрепила рождественские гирлянды из магазина «Все за доллар» к изголовью моей кровати.

Одно из моих любимых занятий после рабочего дня – купить немного тайской еды в закусочной неподалеку от моего дома и усесться на кровати с одеялом, купленным в Urban Outfitters⁹ за шестьдесят баксов, и каркасом, который позаимствовала у родителей. Я жила ради таких вечеров и не могла представить себе ничего более роскошного или приятного.

Мне нравилось объяснять людям, что плачу лишь один доллар за квадратный фут, когда они спрашивали, почему я живу так далеко от Голливуда, центра модельного бизнеса. Я гордилась тем, что обитаю в так называемом Районе искусств, районе, который считался экстравагантным и весьма многообещающим. До большинства моих съемок и кастингов ехать было довольно далеко, как минимум сорок пять минут. Но мне нравилась удаленность моего лофта от мира фотографов, агентств и клиентов, и больше всего – индивидуальность, что дарил мой авангардный район. По дороге домой я превращалась из манекена в саму себя.

В течение года мои фото нескольких раз появлялись в статьях журнала из Лос-Анджелеса, который привлек ко мне внимание нескольких блогов, модных и мужских сайтов. Моему агенту предложили поездку в Нью-Йорк для встречи с агентствами на Восточном побережье, а также в *Sports Illustrated*¹⁰ и *Victoria's Secret*¹¹.

– Но разве мой рост не слишком мал для Нью-Йорка? – спросила я.

Тот же агент сказала мне всего за год до этого, что мир моды не вариант для меня. «Просто нет смысла пытаться быть тем, кем ты не являешься», – просто сказала она тогда.

– Не обязательно, – избегая моего взгляда, теперь ответила она. По мере того как цифры на моих весах уменьшались, цифры на моих чеках росли. Агентство обратило на это внимание.

Я остановилась в крошечном гостиничном номере в Мидтауне¹² с грубым бежевым ковровым покрытием и маленькой кофеваркой, которой я пользовалась каждое утро перед кастингами. В комнате не было нормального зеркала в полный рост, поэтому приходилось забираться на кровать на каблуках, чтобы проверить, как я выгляжу, прежде чем схватить портфолио и выйти. Несмотря на дороговизну, я ездила на кастинги на такси, выискивая адреса в своей электронной почте. Я не была уверена в том, что смогу ориентироваться в нью-йоркском метро. Тем не менее я помнила, сколько денег тратила, зная, что стоимость авиабилетов и отеля будет вычтена из моей следующей зарплаты.

⁹ Многонациональная корпорация, занимающаяся розничной продажей одежды, косметики и товаров для дома.

¹⁰ Американский еженедельный спортивный журнал, издаваемый медиахолдингом Time Warner.

¹¹ Одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского нижнего белья, купальников, одежды, косметики, парфюмерии и аксессуаров.

¹² Мидтаун, или Средний Манхэттен, – центральная часть Манхэттена.

Я почувствовала себя песчинкой, когда вошла в огромное фойе здания Victoria's Secret. Мужчина в накрахмаленном костюме и галстук поприветствовал меня из-за длинного серебряного стола.

«Кастинг?» – спросил он. Его взгляд казался тяжелым, а лицо – непроницаемым. Я кивнула, ободренная тем, что он узнал во мне модель. *Может быть, мне здесь самое место*, – подумала я.

Наверху я ждала одна под серебряной вывеской «Victoria's Secret», в окружении гигантских черно-белых изображений известных моделей – или, как их называла компания, «ангелов» – выгибающих спины и подносящих указательные пальцы ко рту, будто они кокетливо просят меня помолчать. Экран от пола до потолка демонстрировал парад длинноногих женщин, вышагивающих по подиуму, одетых в сверкающее нижнее белье и с большими разноцветными крыльями. Они подходили ко мне одна за другой, их волосы разлетались, они широко улыбались и смотрели куда-то прямо поверх меня. Это были богини большого современного офисного здания, а экраны являлись их святынями. Я знала, что они такие же манекенщицы, но, казалось, они чувствовали себя такими сильными, какой я никогда не была. Мне хотелось быть одной из них. Я смотрела как загипнотизированная, пока какая-то женщина не вышла из-за двойных дверей и не поздоровалась со мной, отвлекая мое внимание от «ангелов».

– Следуй за мной, – произнесла она, взглянув на мою обувь на платформе, а затем быстро переведя взгляд на лицо. Я шла чуть позади, пока она вела меня через просторный открытый офис. Никто не поднял на нас глаз от столов, когда мы проходили мимо. Женщина открыла дверь в маленькую комнату, заставленную ящиками с нижним бельем, и велела мне раздеться в углу.

– Туфли тоже, пожалуйста, – сказала она, указав на мои ноги. Я подошла на цыпочках к стене, где она молча измерила мой рост, сделала несколько снимков на цифровую камеру и написала что-то на листе бумаги, а потом поблагодарила меня, едва взглянув, когда я выскочила за дверь.

Затем я отправилась в Верхний Манхэттен на встречу с представителем агентства.

– Нам не нравятся эти шорты, – заявили они, рассматривая пару обрезанных черных джинсов, которые я надела поверх колготок. – Вы можете их снять?

Я кивнула.

– Конечно, – ответила я, стягивая потертые шорты с ног, но не снимая ботинки на платформе.

– Гораздо лучше, – произнесла девушка с французским акцентом, осматривая мои бедра. – Теперь мы видим, насколько вы маленькая! Мы с вами свяжемся.

На следующий день я позаботилась о том, чтобы оставить шорты дома, одевшись только в черный укороченный топ и колготки. Я встала на кровать, посмотрела в маленькое зеркальце, чтобы убедиться, что колготки не слишком прозрачные.

На моем кастинге в *Sports Illustrated* пара женщин-редакторов листала тяжелые пластиковые страницы моего портфолио. Потом они взглянули на меня и спросили, улыбаюсь ли я когда-нибудь. «Нам здесь, в *SI*, нравятся улыбающиеся девушки», – объяснили они, закрывая мое портфолио с глухим стуком.

Вернувшись на Седьмую авеню, я склонилась над своим айфоном, отчаянно желая вернуться в гостиничный номер и забраться под незнакомые простыни. Я стояла на солнце, наслаждаясь перерывом, когда ко мне подошел мужчина и уставился на мою промежность. «Я вижу твою киску», – пробормотал он, не посмотрев мне в глаза. Я почувствовала стыд, но запретила себе плакать.

Многие годы у меня вырабатывался необходимый защитный иммунитет к частым разочарованиям и отказам, связанным с модельным бизнесом. Я не позволяла себе волноваться из-за съемок или потенциальной работы; мне было все равно, появится ли мое изображение

на рекламном щите или в журнале, пока чек не будет обналичен. Меня не интересовала слава или скандальная известность, только деньги, по крайней мере, так я говорила себе. В Нью-Йорке я нарушила собственные правила: представила, какую власть, помимо денег, казалось, приобрели другие женщины, став успешными. Я вернулась в Лос-Анджелес с новым чувством готовности и решимости.

Ладно, я не планировала быть супермоделью, но собиралась заработать как можно больше денег, используя имеющиеся у меня возможности.

Примерно в это же время моему агенту пришло электронное письмо об участии в видео-клипе с участием Т.И. и Фаррелла, которыми я восхищалась, и певца по имени Робин Тик, о котором никогда раньше не слышала. К письму был приложен синопсис, PDF-файл со словами и картинками, описывающими режиссерское видение клипа. В то утро, лежа в постели, я пролистала документ: ярко-красный текст с надписью «#ТИК» в паре с фотографиями, снятыми Терри Ричардсоном, на которых изображены девушки топлес, с накрашенными красными губами и растрепанными волосами. На их телах – фразы, написанные жирным шрифтом, типа «Давайте нарушим чертovsky правила!». В разделе, озаглавленном «АТМОСФЕРА», перечисление: «НАСТОЯЩИЙ СУТЕНЕРСКИЙ ПРИКИД, ТУПОЕ ДЕРЬМО ПОД ВИДОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОВРЕМЕННОГО СТИЛЯ», «В СТИЛЕ ЖУРНАЛА ВАЙС» и «ГОЛЫЕ ДЕВУШКИ С БОЛЬШИМИ СИСЬКАМИ, ПОКРЫТЫМИ КРАСНОЙ ПОМАДОЙ». Я прочитала текст с орфографическими ошибками под разделом «ДЕВУШКИ» парню, с которым встречалась в то время:

«ОНА САМАЯ ЛУЧШАЯ ДЕВУШКА, ОНА УВЕРЕНА В СЕБЕ НА 100 %. ЭТО ДАЛЕКО НЕ МИЗОГИНИЯ. ЭТО ДАЕТ ДЕВУШКАМ БЕЗУМНУЮ ПОДДЕРЖКУ ДЛЯ ОБЛАДАНИЯ ТАКОЙ НЕВЕРОЯТНОЙ ЧУВСТВЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ СИЛОЙ».

Было удивительно, что режиссером клипа значилась женщина. Я перечитала письмо в поисках гонорара. «Ничего себе», – сказала я. Сумма была чуть больше, чем полагалась мне за один день работы на съемках электронного каталога для Forever 21¹³. «К черту. По сути, это просто еще одно дерьмовое музыкальное видео с кучей голых девиц». В то же утро я написала своему агенту, что отказываюсь в этом участвовать.

Но Дайан Мартел, режиссер, настаивала и прислала мне личное сообщение с просьбой встретиться с ней, чтобы обсудить проект. Список исполнительниц, для которых Дайан делала видеоклипы, – Бейонсе, Мэрайя Кэри, Джей Ло, – безусловно, производил впечатление. Когда мой агент сказал, что, по его мнению, «там можно заработать», я согласилась поехать в Западный Голливуд, где с трудом припарковалась в отведенном месте перед фотостудией на бульваре Санта-Моника.

Дайан осталась сидеть, когда я вошла к ней в мини-платье и туфлях на каблуках, сжимая в руках портфолио, которое меня не просили приносить. Она сказала мне, что режиссером-постановщиком будет девушка, Оливия, с которой я недавно работала. Услышав это, я смягчилась. Мне понравились сделанные ей фотографии; они были красивыми и изысканными, и на съемочной площадке находились только женщины, когда мы работали вместе.

– Я знаю Оливию всю ее жизнь, – сказала Дайан. – Она такая талантливая. И такая молодая! Ты знаешь, какими она всех делает красивыми, не распутными. И за этим будут стоять в основном все женщины, – при этом ее нога ритмично покачивалась. – Я хочу, чтобы это было весело. Как пародия. Я знаю, ты актриса. Хочу, чтобы ты сыграла в этом клипе.

– Ладно, – согласилась я. – Но деньги должны поступить.

Она кивнула.

В пробке на Десятой автостраде по дороге домой я услышала от своего агента, что гонорар увеличился на приличную сумму с дополнительным бонусом за сверхурочную работу. Я

¹³ Американский модный ритейлер.

повесила трубку, опустила стекло и ощутила дуновение воздуха от проезжающих машин. И подумала: *какого черта. Кто вообще все еще смотрит музыкальные клипы?*

Съемки клипа проходили в огромной студии в Силвер-Лейк, всего в пятнадцати минутах езды от моего лофта. Я приехала на голодный желудок, убедившись, что накануне вечером не съела слишком много, потому что знала: на следующий день буду обнаженной – как минимум топлес – на съемочной площадке. Я налила себе немного кофе со стола для съемочной команды и огляделась. Дайан не солгала. Я была рада видеть, что на съемочной площадке работали одни женщины: оператор-постановщик, стилист, реквизитор и визажист.

Две другие модели, принимавшие участие в съемках, приехали и сели в кресла рядом со мной, лицом к длинному зеркалу: поразительная темнокожая девушка с мягким голосом и французским акцентом, представившаяся Джесси, и блондинка по имени Эль, с которой мы переглянулись в зеркале. Ассистентка визажиста приложила к ее губам красную помаду, когда она подняла руку в знак приветствия.

«Тебе комфортно?» – спросила художница по костюмам, когда я примеряла разное белое нижнее белье и прозрачные пластиковые топы и шорты. Она объяснила, что это образы версии видео с цензурой, которое мы будем снимать одновременно с версией без цензуры, с обнаженными девушками. Мне она сразу же понравилась: с обесцвеченными волосами и стрижкой пикси¹⁴, она носила мартенсы¹⁵ и была из тех девушек, с которыми я хотела бы дружить, но почти никогда не встречалась на работе. Дайан вошла в гримерную, чтобы провести меня перед началом съемок. «Ты хорошо себя чувствуешь?» – поинтересовалась она. Я провела руками по белому нижнему белью и кивнула, ощущая себя частью команды.

Я первая отправилась на съемочную площадку, оставив Эль и Джесси в зоне причесок и макияжа. Девушка всего на несколько лет старше меня, одетая в белый комбинезон, представилась главной по реквизиту.

Она указала на длинный стол, заставленный различными предметами, которые должны были использоваться в видео. «С чего ты хочешь начать?» Я выбрала огромную руку из пенопласта с красными ногтями. Она с гордостью протянула ее мне; она сделала ее сама.

«Ты знаешь, что позже с фермы привезут животных?»

Я к такому не привыкла: к крутым женщинам примерно моего возраста, с энтузиазмом относящимся к своему делу. Мое настроение изменилось. Похоже, этот день будет веселым.

Песня, которую я никогда раньше не слышала, заполнила гигантскую съемочную площадку. Три удара прогремели в воздухе, и раздалась команда: «Everybody get up!»¹⁶ Оливия улыбнулась мне из-за камеры.

– Просто веселитесь, танцуйте, как хотите! – прокричала Дайан в рупор из темноты за ярко освещенной, чисто белой сценой. Я танцевала нелепо, Меня удивило то, что в этот момент я нравилась себе. Дайан смеялась в свой рупор.

Робин Тик приехал позже. Я позировала на четвереньках в нижнем белье, с красной игрушечной машинкой на изгибе спины. Он не снял солнцезащитные очки и помахал мне и команде, сверкнув улыбкой, когда шел в гримерную.

Время шло. Джесси и Эль присоединились ко мне на сцене вместе с Фарреллом, Робинотом и Т. И. Мы почти не разговаривали, если не считать нескольких быстрых приветственных фраз, сказанных Дайан, музыканты лишь кивнули нам. Они были талантами, мы больше походили на реквизит. Меня это не беспокоило; просто такова моя работа.

¹⁴ Модная короткая асимметричная стрижка – короткие пряди спереди и сзади с объемной копной волос на макушке.

¹⁵ Ботинки Dr. Martens. Изначально – обувь для рабочих, которую позже оценили адепты субкультур, рок-музыканты и тусовщики.

¹⁶ Все встали!

Привезли животных, и я держала ягненка на коленях, наблюдая за ним. Робин, смеясь, откинул назад голову, потом сосредоточил свое внимание на Фаррелле и Т.И., которые вежливо улыбнулись, но не ответили на его нескрываемый энтузиазм. Его глаза все еще скрывали темные солнцезащитные очки.

Из-за пекла осветительных приборов пластиковые шорты и топы стали матовыми от жары и пота наших тел. Запах алкоголя исходил от Робина, когда он то просто открывал рот, то на самом деле пел. Песня звучала, казалось, в миллионный раз за этот день – одни и те же три такта заполняли комнату в строгой последовательности. Дайан продолжала выкрикивать инструкции в свой рупор. Мы разделись до стрингов телесного цвета для версии без цензуры. Фаррелл и Эль кокетливо ухмыльнулись друг другу. Я надела нелепо высокие белые кроссовки на платформе и танцевала перед остальными актерами.

«Давайте нальем девушкам выпить», – сказал Робин одному из своих помощников, и через несколько минут кто-то уже принес нам красные пластиковые стаканчики, наполовину наполненные льдом и алкоголем. Я сделала несколько глотков, но мне никогда особо не нравилась водка, я и без нее была слишком разгорячена и измотана съемкой. Песня зазвучала снова.

«Hey, hey, hey!»

Джесси посмотрела на меня и покачала головой. «Слишком жарко», – сказала она, проводя рукой по зачесанным назад волосам. Я продолжала кружить по сцене, пытаясь вернуть то веселье, с которым развлекала Оливию и Дайан. Я закатила глаза при виде кривляний знаменитых мужчин, с которыми мы работали.

Весь мир видел, как я закатываю глаза, в завирусившемся окончательном монтаже. Всего за несколько месяцев *Blurred Lines* привели меня к мировой славе. В первый раз кто-то остановил меня, крикнув: «Эмили?» Я разговаривала по телефону с мамой, переходя дорогу в своем районе. В замешательстве посмотрела на мужчину, изучая его лицо и тщетно пытаясь узнать. «Мне нравится *Blurred Lines*!» – воскликнул он, широко улыбаясь, перед тем как попросил сделать с ним селфи. Я была потрясена.

Люди в интернете бесконечно обсуждали, являлось ли видео мизогинным. То, как в версии без цензуры мы с моими коллегами-моделями двигались почти голые перед мужчинами-музыкантами, удивляло многих. Журналисты один за другим задавали один и тот же вопрос: «Что вы скажете тем, кто считает видео антифеминистским?»

Мир был потрясен, услышав, что я так не думаю. Я чувствовала себя в безопасности, танцуя полуобнаженной на съемочной площадке, о чем честно сказала им. Я сосредоточилась на своих ощущениях во время съемок, вспоминая, что находилась в компании женщин, которым доверяла и которые мне нравились.

После успеха этого видео я переехала в Нью-Йорк и подписала контракт с агентством, отказавшим мне годом ранее. Я снялась для *Sports Illustrated*. Было приятно обнаружить, что слава предоставила мне доступ к двум новым источникам дохода: выход в свет, где я могла появиться на мероприятии или поговорить с представителями СМИ, и спонсорские посты в «Инстаграме» – за все это я получала больше, чем за неделю работы моделью до появления клипа.

Но все же я была растеряна: устала говорить о видеоклипе и делиться своими мыслями о нем, всякий раз ощущая явный приступ неприязни, когда имя Робина Тика упоминалось или помещалось рядом с моим. Я была благодарна за взлет моей карьеры, но меня возмущало, что каждое резюме начиналось с указания *Blurred Lines*, видеоклипа, в котором я согласилась сняться только для того, чтобы заработать немного денег. Я не знала, как совместить мою личность и собственное «я», которые всегда отделяла от своей работы тем, кого мир теперь называл секс-символом. Еще со времени моего обучения в старшей школе моделинг я рассматривала просто как работу, а теперь вдруг он стал мной. Я сломалась. Продолжая пассивно

относиться к работе, я соглашалась участвовать в фильмах, что были мне неинтересны, и позировала для брендов, которые считала отстойными.

Следующие пару лет я плыла по течению. Между бесконечными съемками и путешествиями проводила кучу времени в интернете, валялась в постели или напивалась с людьми, которые не представляли для меня никакого интереса. По большинству общепринятых стандартов я должна была чувствовать себя счастливой, ведь достигла того, чего жаждут все начинающие актрисы и модели: прославиться своей красотой и желанностью. «Ты сделала это», – написала мне в «Фейсбуке» подруга, которая много лет назад прокомментировала мою темно-синюю куртку, напомнив мне о том, как мир воспринял мой «успех».

Но я не была просто *очередной селебрити*; моя известность строилась на сексуальности, что во многих отношениях доставляло удовольствие. Мне казалось очевидным, что самая желанная и привлекательная женщина всегда самая влиятельная везде, точно так же, как модели Victoria's Secret, которые вышагивали в моем направлении на тех гигантских экранах. Моя жизнь во многом изменилась. Прохожие с энтузиазмом приветствовали меня. Знаменитые мужчины, которые когда-то мне нравились, флиртовали со мной. Красивые женщины вели себя так, словно я была одной из них. Меня фотографировали для журнальных обложек, приглашали на гламурные вечеринки, на которых я и не мечтала присутствовать. Я забыла о тайской еде и одеялах из сетевых магазинов – теперь мне присылали бесконечные коробки бесплатной дизайнерской одежды. Я могла прийти в знаменитые рестораны Нью-Йорка и Лос-Анджелеса и сесть за любой столик. И у меня было больше денег, чем когда-либо могла себе представить: я внесла первый взнос за светлый лофт с гигантским окном и бассейном на крыше всего в нескольких кварталах от моего дома в Районе искусств. И даже смогла дать немного денег родителям.

Но все же я чувствовала, что теряю контроль. Я не выбирала эту жизнь и не понимала, как оказалась в ней и что все происходящее значило для моего будущего. Я ненавидела ходить на кастинги, особенно на телевидение и в кино, где почти всегда нужно что-то читать в присутствии каких-то мужчин, которые, по-моему, были обо мне невысокого мнения. *Они уже думают, что я отстой*, – говорила себе. – *Я для них не больше чем кусок мяса из Лос-Анджелеса. Я не талантлива, я даже не настолько красива.* Я почти не репетировала для этих кастингов, лишь просматривала тексты пару раз перед самым началом просмотров, парализованная отвращением к себе. Хотела ли я вообще быть актрисой? И не могла вспомнить, когда это стало моей работой. Я всегда представляла себя человеком, у кого есть идеи и кто принимает решения. Я садилась в машину после одного из этих прослушиваний, ощущала себя никчемной и думала о том, что предпочла бы оказаться на месте тех мужчин, выбирая, кого нанять для *моих* проектов.

Как-то, много лет спустя, я рассеянно листала «Инстаграм», и в ленте появилась фотография Робина Тика и его гораздо более молодой подруги. Я узнала ее лицо и длинное худощавое тело и вспомнила, что встречала ее много лет назад в Лос-Анджелесе, когда мы обе работали моделями, снимались для электронных каталогов купальников и нижнего белья на отвратительных складах в Альгамбре и Верноне. По сообщению E! News¹⁷, она только что родила ребенка. Я просмотрела фотографии, изучая ширину ее улыбки рядом с гипертрофированной мягкостью линии подбородка ее партнера. «Я люблю тебя, отец ребенка!» – гласила подпись.

Перейдя в аккаунт Тика, я удивилась, увидев белый экран. Рядом с его именем было написано: «Пользователь не найден» и «Пока нет публикаций». Меня заблокировали. Я ломала голову, пытаясь понять почему. Сказала ли я что-то журналистам, что могло задеть его? А затем вспомнила кое-что, произошедшее на съемках Blurred Lines, о чем я никогда никому не

¹⁷ Сайт новостей о поп-культуре и развлечениях.

рассказывала, в чем не позволяла себе признаваться до этого момента, полдесятка лет спустя. *Он сделал то, чего не должен был.*

Это произошло позже, когда Тик вернулся на съемочную площадку, немного пьяный, чтобы сняться только со мной. Его настроение изменилось: он, казалось, не получал такого же удовольствия, как раньше. Ему не нравилось отсутствие внимания людей, нанятых для создания *его* видеоклипа.

Теперь существовали только он и я, одни на съемочной площадке. На нем – черный костюм, а на мне – только белые кроссовки и стринги телесного цвета.

Те же три ноты, та же кричащая в рупор Дайан, те же капли пота, то же «Everybody get up!».

Я вновь танцевала как можно более нелепо. Дайан восторженно закричала: «Ты чертовски смешная! Сделай это лицо снова!» Робин надел темные очки и подпевал, его невысказанное раздражение было осязаемо.

Внезапно, словно из ниоткуда, я почувствовала прохладу и чужие руки, обхватившие мою обнаженную грудь сзади. Я инстинктивно отодвинулась, оглядываясь на Тика. Он глупо улыбнулся и попятился, пряча глаза за солнцезащитными очками. Моя голова повернулась к темноте за сценой. Голос Дайан надломился, когда она крикнула мне: «Ты в порядке?» Я кивнула и, возможно, даже улыбнулась в смущении и отчаянии, чтобы преуменьшить важность ситуации. Я пыталась сбросить с себя шок. Скрестив руки на обнаженной груди, я отошла от декорации и теплых огней. В тот момент я впервые почувствовала себя голой. Музыка остановилась. Постояв немного у монитора, я оглядела своих новых друзей. Никто, ни одна из нас, ничего не сказала.

Наконец, Дайан произнесла: «Так, ладно, никаких прикосновений». Она не обратилась ни к кому конкретно, ее рупор теперь свободно висел у нее на бедре. Я выдвинула подбородок вперед и пожала плечами, избегая смотреть в глаза, чувствуя, как жар унижения разливается по моему телу.

Я не отреагировала – не совсем, не так, как должна. Как и ни одна другая женщина. Несмотря на то, сколько нас там было и в какой безопасности я чувствовала себя в их присутствии, мы не могли привлечь Робина Тика к ответственности на съемках его музыкального клипа. В конце концов, мы работали на него. Неловкая пауза закончилась, а затем съемку продолжили.

Когда журналисты спрашивали меня о клипе в течение многих лет, я не позволяла себе думать о руках Робина Тика на своей груди или о смущении, что испытывала, стоя голой перед Дайан. Я защищалась – оберегала атмосферу, которую она пыталась создать на съемочной площадке, и других девушек, которые вполне могли бы стать моими друзьями. И еще мне было стыдно – за то удовольствие, которое, как ни странно, я получала, танцуя обнаженной. Какой влиятельной себя ощущала, как все контролировала. Я задалась вопросом: что могло бы произойти, *если бы* я закричала Робину Тику в лицо и устроила сцену? Остановили бы съемку? Может, моего звездного часа никогда бы не случилось.

Когда мне было чуть больше двадцати, я не задумывалась о том, что женщины, черпающие свою силу в красоте, на самом деле находились в долгу перед мужчинами, чье желание в первую очередь давало им эту силу. Именно эти мужчины все контролировали, а отнюдь не женщины, которыми восхищался весь мир. Столкнуться с этой реальностью значило признать, насколько в действительности ограничена моя власть – насколько ограничена власть любой женщины, когда она выживает или даже преуспевает в мире как вещь, на которую смотрят.

Одним своим жестом Робин Тик напомнил каждой на площадке, что не мы, женщины, здесь главные. Никакого реального влияния у меня, голой девушки, танцующей в его музыкальном видеоклипе, не было. Я всего лишь нанятая манекенщица.

Мой сын, солнце

Мне было четырнадцать, когда Оуэн впервые изнасиловал меня. Мы лежали на грязном ковре в доме его мамы. Стояло раннее утро, у меня слипались глаза, я чувствовала себя абсолютно вымотанной. Мне хотелось пить, но воды не было. По узким джинсам с грязным шнурком вместо ремня было видно, что Оуэн возбужден. Родителям я сказала, что остаюсь на ночь у подруги, так что я могла не ночевать дома и ходить на вечеринки. Шестнадцатилетний Оуэн уверял, что я должна это сделать. Он представлял себя моим проводником в новую школу и в новый мир. Я верила, что он – мой способ познакомиться с новыми людьми. Только потом я поняла, что у него самого друзей было немного. Из-за моего статуса первокурсницы¹⁸ он приглашал меня на эти вечеринки.

Я помню его веснушчатую кожу и бледный живот, и как у него пошла кровь из носа, когда он склонился надо мной. «Это Аккутан¹⁹», – сказал он. Кровь капала мне на ключицу. Его кровь выглядела такой красной, что казалась ненастоящей и походила на кетчуп. Густая как сироп. Его это не смущало. Я помню, как этот красный цвет смотрелся в его ярко-голубых глазах. Помню его длинные светлые ресницы, как они изящно и медленно подрагивали, когда он подносил руки к носу.

Когда Оуэн узнал мой номер телефона и предложил мне вместе провести выходные, я солгала ему.

«Приехала семья моей мамы, я буду с ними. Извини!» Я молча перечитала текст, перед тем как нажать «Отправить». *Совершенно уважительная причина*, подумала я, заблокировав телефон в надежде, что он отстанет.

«Ха-ха, – тут же отреагировал он. – Кто зависает со своей семьей все выходные? Мы можем погулять, после того как ты закончишь с ними. В субботу будет крутая вечеринка, куда мы можем пойти. Я подвезу». Это смутило меня. Как я могла быть таким ребенком, чтобы думать, что общение с семьей – это веское оправдание для пропуска вечеринки? Теперь я старшеклассница и должна вести себя соответственно. Кроме того, мне в любом случае не хотелось проводить все выходные с родителями.

«Ладно», – ответила я. Просто потому что не знала, как сказать нет.

Я не чувствовала себя в безопасности с Оуэном, мне всегда не терпелось скорее вернуться домой, лишь бы не оставаться с ним. Но, наверное, дома я тоже не ощущала себя комфортно. Это *он* казался настоящим миром. Все это происходило в старших классах, это называлось «взросление»: страшное и неуправляемое, как все и говорили. И хотелось оказаться на высоте, доказать, что я готова справиться с этим.

Однажды ночью Оуэн заехал на пустую стоянку и стал целовать меня. Я решила, что должна поцеловать его в ответ, так как он брал меня с собой на несколько вечеринок, поэтому позволила ему пошарить рукой в моих джинсах. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил мне заранее, что я ничего не ему должна. Желательно, чтобы кто-нибудь посоветовал вообще не садиться в его красный фургон. Прекрасно, если бы рядом остановились копы и я бы сказала им, что испытала облегчение при их виде. Я бы хотела, чтобы они не говорили мне, что я оказалась на неверном пути, что я в конечном итоге могу подсесть на наркотики, что я плохая, а вместо этого сказали бы: «Мы беспокоимся о тебе, ты все еще ребенок. Давай мы отвезем тебя домой, это не твоя вина».

¹⁸ Учащаяся первого года обучения в старшей школе, колледже или университете.

¹⁹ Изотретиноин – также известный как 13-цис-ретиноевая кислота. Лекарство, которое в основном используется для лечения угревой болезни тяжелой степени.

Мне бы хотелось, чтобы пару лет спустя, когда я, задыхаясь и всхлипывая, призналась маме, что не девственница, она обняла меня вместо того, чтобы выглядеть разочарованной. Я не стала вдаваться в подробности – Оуэн, ковер, кровь, – а просто сообщила, что у меня был секс. Наша машина остановилась в паре кварталов от дома ее сестры. Я сидела на пассажирском сиденье, все еще недостаточно взрослая, чтобы водить машину. Ткань сиденья буквально раскалилась от соприкосновения с моей спиной. «Мы гадали, но были уверены: не Эмили», – произнесла мама, устремив взгляд в лобовое стекло. Она уже думала о том, как поделится этой новостью с отцом. Я поморщилась. Она выдохнула: «Мы опаздываем на встречу». Мама цокнула языком и вновь завела машину.

Я глубоко вздохнула и кое-как смогла успокоиться. У меня потекло из носа, я прикусила верхнюю губу. Казалось, что из меня вынули все внутренности, я была опустошена. Мое тело стало легким и хрупким, как скорлупа, обреченная разбиться вдребезги, когда дверь в дом моей тети распахнулась и звякнул колокольчик. Я поздоровалась со всей своей большой семьей. Чувствуя прохладную кожу дяди на своей щеке, когда обнимала его, я знала, что они еще более неодобрительно отнесутся ко мне, чем моя мать. Мне было жаль ее; жаль, что я призналась в чем-то таком постыдном, что ей теперь приходилось это скрывать. Хотелось свернуться калачиком и заснуть навсегда, но вместо этого я села в тени тетиного двора и натянула улыбку.

Однажды Оуэн неожиданно появился на пороге дома моих родителей. Я помню, каким оживленным и небрежным он был, когда я открыла нашу входную дверь и он вошел в гостиную. Его окружал ореол драматизма. Его щеки покраснели, а глаза казались остекленевшими.

«Я поругался с отцом», – вздохнув, заявил он, его лицо исказилось.

Мне было неловко, когда мы сидели на деревянной скамейке на задней веранде. Оуэн положил голову мне на колени, и по его носу потекли слезы. Я посмотрела на его профиль, крупные черты лица и красные рубцы на лице. Все в нем казалось свежим и незаживающим, как только что открывшаяся рана. Его веки выглядели практически прозрачными. Я неловко поерзала под тяжестью его головы, не понимая, что делать со своими руками.

Я чувствовала, как мама смотрит на нас, наблюдая через окно своей спальни. В доме царила тишина. Мои родители находились в поле зрения и в то же время вне его. Казалось, каждый понимал, какую роль мне надо сыграть. Я вздохнула и вспомнила, как, по-моему, должна вести себя женщина, утешая мужчину. Может, вспомнился момент из фильма? Я не знала. Мама как-то рассказывала мне о своем парне в старшей школе, Джиме, что он родился в неблагополучной семье и часто спал на диване у нее дома. Что она сделала, когда пришел Джим? Я попыталась воспроизвести эту версию воспоминаний моей матери, ее любовь к Джиму. Я оттолкнула смущение и медленно, очень медленно коснулась кудрей Оуэна.

«Все хорошо, – осторожно произнесла я. – Мне так жаль, Оуэн», – прошептала я с большей уверенностью; жар от его лица согревал мои бедра. Было приятно делать то, чего от меня ждали, но что-то в моем утешении казалось неправильным. Меня выбрали на роль любящей и заботливой девушки, но я не стремилась играть эту роль.

После ухода Оуэна мама сказала мне: «Я никогда не забуду, как ты выглядела, когда его большая голова лежала у тебя на коленях». Она поняла, что стала свидетелем какого-то театрального действия. «Бедный Оуэн», – добавила она.

Когда я начала проводить время с Сэди и другими девчонками, которые пользовались большой популярностью в школе, они фыркали, если Оуэн подходил к нам. «Он какой-то мерзкий, Эмили», – говорили они. Мне не нравилось, как они смотрели на него, но в то же время было приятно осознавать, что есть люди, уверенные в том, что я не должна быть с ним. Их неодобрение позволило мне избегать его. Я стала чувствовать себя более уверенно, игнорируя сообщения от него, и уже не боялась бросить его.

После того как я наконец рассталась с Оуэном – а точнее, после того как сбежала от него, – меня одолевало чувство вины. Еда стала неаппетитной. Я не могла уснуть, зная, что Оуэн может появиться в доме моих родителей или навредить себе назло мне, что он и угрожал сделать. Мой телефон вибрировал до поздней ночи от его бесконечных сообщений. Он был безжалостным. Он постоянно сидел в отцовском голубом «Фольксвагене-Жуке» через дорогу от моего дома, как раз напротив окна гостиной. Синева неестественно выделялась на фоне уличной листвы; она была того же цвета, что и его глаза, одновременно молочного и четкого.

Когда мне исполнилось пятнадцать, Оуэн перестал парковаться на другой стороне улицы.

Однажды вечером я решила пойти выпить с девочками, которые на самом деле не были моими подругами. Я никогда не проводила с ними время вне школы. Мне казалось, что они круче меня. Эти девочки жили в типовых домах с гардеробными, а их родители, казалось, всегда отсутствовали. Мы готовились к ночи в одном из таких домов, в розовой комнате с зеркалом в полный рост, наблюдая за собой и друг другом, пока примеряли наряды. Одна девушка маркером отмечала на наших руках количество выпитых рюмок водки. Я помню, как споткнулась о грудку одежды и посмотрела вниз на черные линии, которые начинались у моего локтя и спускались к запястью.

Следующее воспоминание того вечера: мы на темной стоянке рядом с машиной, пахнущей кожей. Вдали светится вывеска продуктового магазина. Во рту избыток слюны, а желудок сжался, и меня беспрерывно тошнит. Я не могу стоять на ногах. Девушки раздраженно переглядываются, убирая мои волосы с лица. Парень, который нас подвез, вероятно, позвонил Оуэну, потому что внезапно его машина оказалась рядом с нами. Он оторвал меня от асфальта и потащил прочь. Я не разговаривала с ним несколько месяцев. Сжав руку одной из девушек, я попыталась сказать о том, что с ним я не в безопасности, но она уже отвернулась. Он пришел, чтобы забрать меня, и они думали, что мы пара.

Я очнулась, когда Оуэн был на мне. Я лежала на маленькой кровати в синей комнате. Я пыталась толкнуть его в грудь, заставить его отстать от меня, но я слишком ослабла и опьянела. Перед моим взором замелькали призрачные белые фигуры и голубой свет. Мой рот был словно ватный, и я чувствовала его запах. Мне хотелось, чтобы это прекратилось, но я не знала, что делать, поэтому крепко зажмурилась и издавала тихие звуки, которые, как я думала, должны издавать женщины во время секса.

Почему пятнадцатилетняя я не закричала во всю глотку? Почему вместо этого я тихонько вздыхала и постанывала? Кто научил меня не кричать?

Я ненавидела себя.

На следующее утро я подошла к своему дому в чужой одежде и что-то пробормотала об усталости. Я залезла в ванну и сделала воду как можно более горячей, но никак не могла унять дрожь. Долго пролежала там и наблюдала, как кожа становится красной от жара. Мои конечности стали невероятно тяжелыми, и все тело болело: я едва могла двигаться.

Стоял ясный день, и свет в ванной был желтым; стены казались огромными, а себя я чувствовала крошечной. Светлые волосы на моих руках встали дыбом на фоне выцветших черных линий маркера.

Я крепко спала в ту ночь. А когда проснулась, то обнаружила, что стала совсем другой, новой версией самой себя. Я тщательно оделась, съела простой тост и тихо сидела рядом с отцом, пока он вез меня в школу. Пристегнутая ремнем безопасности, с аккуратно сложенными на коленях руками, я смотрела прямо в окно. Я никому не рассказала о том, что произошло в выходные с Оуэном. А если ты поступаешь так, то просто начинаешь забывать.

Спустя целую жизнь, а на самом деле примерно через год, Оуэн вновь написал мне. Он больше не учился в моей школе, у меня появился парень и изменился круг друзей. Длинные сообщения, маниакальные тексты атаковали мой телефон. Он рассказал, что прошел курс лече-

ния от героина, что похудел на двадцать фунтов и что девушка из другой средней школы обвинила его в изнасиловании на вечеринке.

«Все было действительно плохо, – написал он. – Я не должен был выжить». Я не ответила ему. Боялась, что, если поговорю с ним, он каким-то образом втянет меня обратно в свою жизнь.

Кто-то рассказал мне подробности того обвинения в изнасиловании на вечеринке. Девушка слишком много выпила. Она оказалась в спальне, вдали от остальных гостей вечеринки, почти без сознания. Оуэн вошел в комнату и воспользовался ее состоянием. Она и ее семья выдвинули обвинения.

Впервые услышав об этом, я не могла перестать думать о девушке, которой Оуэн причинил боль. Я представила ее дом, представила ее отца. Я вообразила ее волосы и ее комнату. Я видела, как она уверенно говорит: «Я не хотела этого», – без стыда, не обвиняя себя. Почему я не сумела сделать так же? Мне хотелось быть похожей на нее. Хотелось иметь возможность сказать: «Я не хотела его», – себе, своим друзьям и всему чертову миру.

Я рассказала маме об этой девочке, о том, что сделал с ней Оуэн, о ее родителях. «Что ж...» – замолчала она, выглядя при этом недовольной, будто я завела речь о чем-то бестактном или неуместном. Я понимала, что она не может подобрать слов. Помню, что чувствовала себя грубой и более жесткой, чем она. Я словно попала на Дикий Запад, в место, где каждый день происходили ужасные, невыразимые вещи, а она была леди. Мне казалось, что я должна защитить ее от подобных ужасов. Я не позволила себе разочароваться в том, что она больше ничего не сказала. Так даже лучше – лучше, что она не предложила понимания или утешения. Чем меньше я нуждалась в ней, тем меньше она могла подвести меня.

В конце концов, я рассказала своей подруге об Оуэне. Мы были под кайфом, я лежала на ее мягком матрасе и смотрела на огоньки гирлянды, прикрепленной к каркасу ее кровати. Я рассказала о нем, о его красном фургоне и черных полосках на моей руке. Подруга сидела, скрестив ноги, на краю кровати. У нее была проколота губа, и я помню, как она прикусила ее, пока смотрела на меня и слушала.

– Это выглядит как изнасилование, Эмили.

Я резко повернула к ней голову.

– Что? Нет, – быстро произнесла я. Моргнув, я снова уставилась в потолок, чувствуя головокружение. Я знала, что она права.

* * *

Мне было девятнадцать, я сидела в аэропорту на Среднем Западе, ожидая пересадки на рейс в Калифорнию после съемки каталога, когда я узнала, что Оуэн ушел навсегда.

К тому моменту я привыкла перемещаться по аэропортам и летать одна – сидеть на холодном полу из линолеума, засыпать в неудобных креслах и пробираться сквозь толпы людей. Я сидела, скрестив ноги, заряжала телефон от розетки у пола, просматривала «Фейсбук» на своем айфоне, когда увидела обновление. Знакомый из старшей школы написал его имя и приписал RIP²⁰. Первое, что пришло мне в голову в этот момент, – он неправильно написал фамилию Оуэна. *Ему было бы грустно увидеть это*, подумала я. *Но, конечно, они неправильно написали его имя, у него никогда не было настоящих друзей*. Грудь сдавило.

«Что случилось? Это правда?» – написала я нескольким старым знакомым, чтобы выяснить, в курсе ли они происходящего. Но часть меня уже знала ответ.

Только когда меня втиснули на среднее сиденье и самолет начал набирать высоту, я наконец получила ответ:

²⁰ RIP (с англ. rest in peace) – покойся с миром.

«Это правда. Он умер». Давление в салоне впечатало меня в сиденье. Самолет поднялся в воздух. У меня зазвенело в ушах.

Он ушел; его тело, его глаза. В нем больше не пульсировала кровь и жизнь. Его больше нигде не было. Я никогда его больше не увижу.

– С вами все в порядке? – тихо спросила женщина, сидевшая рядом со мной у прохода. Рев самолета почти заглушил ее голос.

– Простите, – сказала я. – Я только сейчас узнала, что первый парень... с которым я когда-то встречалась... умер. – Почувствовала, что у меня распухает язык. Она нахмурилась.

– Мне очень жаль. – Она говорила так искренне, что я на секунду задумалась, испытывала ли она когда-нибудь это чувство, эту смесь потери и облегчения из-за смерти кого-то, кто причинил ей боль. Я задалась вопросом, как вообще сформулировать это. Опустив столик, я закрыла лицо руками.

Оуэн умер от передозировки героина, в одиночестве, в двадцать один год. Его тело находилось в гостевом доме, который он снимал, запертое там три дня, прежде чем кто-либо выяснил, где он. Полиции пришлось выломать дверь.

На похоронах я предпочла стоять позади толпы. Все происходило на утесе над океаном. Небо было бесконечно голубым. Я прищурилась, наблюдая, как говорил отец Оуэна. Он рассказывал, как разрыдался, когда полиция вынесла тело Оуэна из гостевого дома. Его прекрасный мальчик умер. Он произнес: «Мой сын, почувствуй солнце», – когда калифорнийское солнце опалило бледное, безжизненное тело Оуэна.

«Мой сын, солнце, сын», – кричал он.

* * *

Через несколько недель после того, как я сказала Оуэну, что больше не хочу его видеть, он отвез нас в колледж в сорока пяти минутах езды от города, расплачиваясь за бензин мятыми и грязными долларовыми купюрами, которые заработал на стройке. «Просто позволь мне отвезти тебя на концерт», – написал он мне. Он купил билеты давно, за несколько месяцев, а мне все еще хотелось пойти. Я хотела доказать себе, что контролирую ситуацию, что не поддаюсь на его манипуляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.